

по государственному и местному бюджетам вместе на отдельные государственные нужды, то для прошлого бюджетного года мы получим нижеследующее:

Оборона страны 617,6 миллионов рублей (в текущем году предполагается 713,1 милл. р.), Административные расходы 750,4 милл. руб. Культурно-социальные нужды — 695,2 милл. р., и наконец финансирование хозяйства — 937,3 милл. р.. Эти цифры достаточно красноречивы и подвергать их еще комментариям не стоит. —

Интересно только отметить одну особенность текущего бюджета, где сильно сокращено количество средств отпускаемых на финансирование сельского хозяйства. Эта мера при современном положении сельского хозяйства в России, необходимости самой широкой организации переселенческого вопроса и поднятии интенсивности сельского хозяйства, может быть объяснена только наличием узко партийной хозяйственной политики, которая совершенно не интересуется будущим хозяйственным положением России.

Н. С. Жекулин.

П О А З И И.

Сегодняшняя Персия.

9 августа 1919 года правильно и удобно считать поворотным моментом в развитии послевоенной Персии. Правильно, т. к. заключение англо-персидского договора, помеченного этим числом, послужило толчком, благодаря которому напряженность в глубинах персидского сознания, сильно раздраженного войной, дошла до своего предела и должна была найти себе какое то выражение. Удобно, т. к. хотя мы знаем, что всякий подробный глубокий процесс есть развитие, накопление предшествующих моментов, а конечный, неизбежный разряд ими определяемый есть одновременно какая то завязь будущего, нам все же следует из этого непрерывного ряда выхватить временной отрезок, как нечто самостоятельное и неповторяющееся, как объект нашего рассмотрения. — Названный мною договор, авторами которого был с персидской стороны Мирза Хасан Хан Вусуг ад Доуле*) и с английской Сэр Перси Коке, типичный представитель стопроцентного «керзонизма», — был в сущности еле замаскированным протекторатом. Через своих военных инструкторов (которые по образцу уже созданных за войну South Persian Rifles должны были образовать North P. R.) и финансовых советников Англия — становилась вершительницей судеб Ирана, которому она к тому же давала в долг 2 миллиона фунтов. Таможенный тариф получал изменения в пользу английского ввоза. Дальнейшие события развивались вратце следующим образом. 1920 год был переходным годом английского засилия в Тегеране, где старорежимное российское представительство агнизировало, лишенное жизненных соков. 18.5 Энгели было занято красными частями, причем англичане не оказали никакого сопротивления. В мае-же Тегеранское правительство предлагает Москве начать переговоры. Оно обращается также в Лигу Наций с протестом против договора 9 августа и приостанавливает работу английских советников. Сэр Перси уезжает в отпуск, из которого он не вернется. В августе представитель Перс: и едет в Москву. В ноябре Лорд Керзон все еще заявляет, что английские войска выведены не будут, т. к. они необходимы для противодействия большевикам. Вместе с тем в стране нарастало все крепче ощущение развала и измены. Всегда наблюдающиеся в Персии центробежные стремления обрисовывались ярче обычного, особенно в Прикаспийском Гиляне, где Мирза Кучик Хан, главарь «лесовиков» (джнгели) располагал довольно значительными и хорошо вооруженными силами. Идеологически Кучик Хан восстал против порабощения своей страны Англией. Не менее удобная почва для схожих настроений имелась и в пограничном с Закавказьем Азербейджане, наряду с Гилянью всегда шедшим во главе революционных движений последних годов, равно как в Хорасане с его туркменами, в Белуджистане, в Курдистане, в Хузистане, — словом без малого всюду, где только имеются вольнолюбивые кочевничьи элементы.

В этот момент, в феврале 1921 г. происходит взрыв реакции. Некий Риза Хан, офицер персидской казачьей бригады, в которой он начал службу простым казаком, из Казвина двинулся на столицу с небольшим отрядом преданных ему людей, и не встретив сопротивления, произ-

*) Этот несомненно один из умнейших государственных людей Персии был амнистирован и в прошлом году вернулся на родину, где был избран депутатом и вошел в кабинет Мустоуфи-уль-Мемалека в качестве министра юстиции. Очень интересна была его речь, апология акта 1919 года, в ответ на обвинения оппозиции. По мнению Вусуга Персия к окончанию войны была в безвыходном положении и единственно Англия могла ей оказать поддержку для восстановления порядка. Вусуг вменял себе в заслугу, что в такой тяжелый момент он не уклонился от ответственности. Бессудные ссылки (даже казни) своих политических противников Вусуг объяснил соображениями государственной необходимости.

вел полную перемену декораций. Англофильское правительство Каввам-эд-Доуле (брата Вусуга) было ликвидировано, а заменено национально-гастроенным кабинетом журналиста Зия-эд-Дина, одним из геррых заявлений которого была декларация об отмене договора 9 августа. В то же время Гулям Али Хан Мошавэр аль Мемалек, находившийся в Москве, заключил договор, 26. 2. 1921, с Советским Правительством. Влиянию Англии нанесен сильный удар. Заключая с большевиками торговое соглашение 16. 3. 1921, содержащее между прочим обязательство воздержания от пропаганды, Английское Правительство само как бы снимало главный повод борьбы с большевизмом в Азии. Договор 9 августа был окончательно «похоронен» Л. Керзоном в его речи 26. 7. 1921 в Палате Лордов, в которой он возлагал ответственность на Персию. Следует удивляться близорукости английской дипломатии думавшей сыграть на отсутствии России в Азии, в которой однако Россия, будучи связана с Азией органически, отсутствовать не может. — Как Англия уходила во свояси из Персии, об этом лучше всего рассказал один из членов ее финансовой миссии Бальфур, (Hon. J. M. Balfour) в своей книге «Recent Happenings in Persia», вышедшей в 1922 г., но вскоре изъятой из продажи. Возвращаясь к Риза Хану упомним, что он загодозрив искренность Зия-эд-Дина (Зия оказался английским агентом, обещавшим, но не сумевшим провести организацию North Persian Rifles помимо Меджлиса) в мае 1921 устранил его от дел. Зия бежал в Багдад, потому в Европу и, кажется, живет в Швейцарии. Сначала в качестве военного министра, потом (с Октября 1923 г.) премьер, главнокомандующего (февраль 1925), наконец Шаха (12 декабря 1925), Риза Хан, он же Сердар Сэвэх, он же Риза Шах Пехлеви олицетворяет государственный смысл и чаяния сегодняшней Персии. Утверждение это нуждается, впрочем, в некоторой оговорке. Поскольку вопрос касается государственного смысла, инстинкта самосохранения, выражающегося в защите от внешнего врага и в поддержке порядка, безопасности (т. е. газ. «а м н и й э т»; в «доброе старое время» в персидских газетах хроника с мест зачастую исчерпывалась сообщением: «Слава Аллаху, там то прошел дождь и безопасность полная»; два момента с которыми связано благополучие населения) внутри, теперешний властелин Ирана вполне отвечает своему назначению в глазах стражи. Вместо малочисленной вооруженной силы, утратившей значение особенно после ухода наших инструкторов выжитых англичанами, Шах создал 40 тысячную прекрасно экипированную армию, благодаря которой он сумел утвердить во всей стране авторитет центральной власти и наладить, при помощи американской финансовой миссии правильное поступление податей, так что последний бюджет был сведен даже с маленьким излишком. Все это удалось Шаху не без упорной и настойчивой борьбы с упомянутыми выше центробежными элементами, с 1921 по 1926 г. г. Ему пришлось иметь дело с такими серьезными противниками, как курдский вождь Исмаил Ага Симко, хорошо нам знакомый за время войны и после ухода наших войск с урмийского фронта бывшего фактическим царем всего западного Азербейджана, пока его не разбили в августе 1922 г. (при официальном участии «белого» русского генерала А., хорошо знавшего этот театр). Вторым крупным противником был Шейх Газзаль, феодальный вождь арабского племени Чааб по нижнему Каруну и Персидскому заливу. В этом районе находятся нефтеносные участки Anglo Persian Oil Co., почему Шейх пользовался покровительством Англии, обстоятельство осложнившее, но не помешавшее Риза Шаху сломить противника к 1925 году. В восточной Персии туркменские и белуджские восстания причинили также не мало хлопот. Ходили слухи о поддержке туркмен «северным соседом». Определенно известно во всяком случае, что среди персидского командного состава не обошлось без измены. Если упомянуть еще прошлогоднюю попытку дяди низложенного Шаха, Салар-эд-Доуле, в эвний раз *) поднять восстание против Тегерана, то этим будет исчерпана история укрепления власти новой династии внутри страны. Государственный смысл Риза Шаха помог ему также справиться и с голодом 1925 г., когда в спешном порядке были закуплены грузовики-автомобили, позволившие перебросить местный и ввозной хлеб в нуждающиеся районы. Голод в Персии всегда был ужасен, именно из-за бездорожья и отсутствия сообщений, а не только из-за недорода. Помнится как в 1918 году в Тавризе люди мерли на улицах, тогда как в каких-нибудь 100 кил. отсюда, в плодородной области Хэштэруд хлеба было хоть отбавляй. Оставим, однако, пока эту экономическую сторону положения в Персии. Риза Шах, как только что сказано, олицетворил следовательно в полной мере государственный смысл Ирана. В большей чем это было раньше степени он обеспечил Ирану — «н у н — о — к а н у н» (хлеб и закон). С таким криком разыгрываются всегда в Персии народные волнения, т. наз. ш у л о г. Закрываются базары, — жизненный центр городов мусульманского Востока, — и толпа, главным образом женщины и дети, двигается к присутственным местам. Дав «хлеб и закон» Персии, осуществил ли Риза Шах в то же время ее сокровенные чаяния? И да, и нет. Лучше — сначала, в первые годы, да; теперь — гораздо меньше. Что нам принимать под сокровенными чаяниями Персии? Большинство наблюдателей персидской действительности сходятся на том, что под видимым безучастием и апатичностью у перса крайне живуче его национальное чувство, корни которого уходят вглубь его многовековой истории. Это весьма поучительный пример того, как историческая память живет не только в ее избранных носителях, в высшем культурном слое народа, а пронизывает собою всю народную толщу. Глубоко ошибается тот чужестранец, который, подходя к персу со своими мерками, заключил бы об отсутствии у него пат-

*) Салар-эд-Доуле выступал еще при Мемед Али Шахе. В 1912 году онъ был при содействии Российского Правительства высан из Персии. Уезжая он сказал усмехаясь: «до свидания!» пишущему эти строки, а не «прощайте!».

риотизма. Персидский патриотизм в его временном протяжении представляется мне столь же своеобразным и отличным от западного шаблона явлением, сколь и наш евразийский, русский патриотизм, благодаря своей пространственной протяженности, не укладывается в узко ограниченные и насыщенные совершенно другим содержанием европейские понятия этой категории. Упор в седую древность, в клиогисы бисутунской скалы, уверенное спокойствие и мудрость прошедшие через века переживаний на перекрестке столкновения разных культур и народов, сознание своей пассивной силы сопротивления и претворения, — все эти моменты складываются вместе, чтобы получить выражение в том, что за неимением другого термина, я вынужден назвать персидским патриотизмом. Могущий оспариваться во многих его оценках в свете наших теперешних знаний, устаревший Гобино остается незаменимым в его как-бы интуитивном подходе к персидской народной душе, сущность которого, прочувствованная мною на почве Ирана, сформулирована выше. Восстававшая национальное достоинство Персии, устраняя английскую опеку, принимая имя Пехлеви, переносящее в доисламский период высокого политического и культурного развития Ирана, давая своему сыну славное имя Шапура той же Сассанидской династии, поступая так Риза Шах этим возвратом к чисто-иранской традиции не только подчеркнул свое отличие, от свергнутой тюркской, туранской династии Каджаров, но показал что созвучно все это созвучно с национальным чувством. Оживание «музея истории» может оставлять равнодушным только тех близоруких людей, которые отдали себя в подчинение предвзятой идее исторического прогресса идущего по измышленным им и обязательным линиям. Mutatis mutandis персидский пример, вскрывающий с новой силой давно забытые гластвования иранских исторических переживаний, нам кажется так же знаменателен, как и аналогичные настроения проявляющиеся — ограничимся только этим указанием — в трудах французского историка К. Жюльена восстающего против засилия «римского духа» и уходящего в гальскую древность. Читатель «евразиец» не нуждается в разъяснениях гальской гаша позиция, наша историческая установка близки к указываемым примерам. Риза Шах оказался не только прекрасным военным организатором, но и тонким психологом. Он правильно учел извечную жажду Ирана — жажду народного героя, жажду оживления мифа, приведения в движение фигур иранского эпоса. Мифический герой — кузнец Кавэ, относящийся к заре исторического сознания Ирана, хватает свой кожаный рабочий передник, прибавляет его к древку и под этим знаменем ведет толпу восставших против чудовища Зохака, угнетавшего народ и ежедневно, для питания змей выросших на его плечах, требовавшего мозги двух югосей. Кавэ побеждает Зохака и приковывает его где то на вершине Демавенда. Образ сливающийся с эпической фантастикой. Образ живущий и сейчас в иранском сознании. И откуда действия гогова глест лана Ирага в глазах населения одушевлены желанием служения стране, до тех пор Риза был, несомненно, весьма популярен и мейоприятен его, хотя бы они иногда и били по населению, приветствовались. Линия поведения Риза Хана разошлась с чаяниями населения лишь только оно усмотрело в его действиях мотив личного интереса. Таких «спасителей отечества» Персия знала слишком хорошо. Риза Хан ошибся в тот момент, когда после отъезда Шаха в Европу (ноябрь 1923) он стал вести усиленную агитацию в пользу провозглашения в Персии республики. Республики, в которой, разумеется, он был бы президентом. Такое выпадение из исторической традиции Ирана (откуда ведь собственно и идет идея о божественном происхождении царской власти, вскрывающаяся в древнеперсидском понятии «фара», ореол) связанное с выступающим тут особенно ярко личным интересом (знание президента основано на соревновании, а не на праве) привело к полной неудаче попытки. В столице вспыхивают антиреспубликанские беспорядки (19 и 20 марта 1924). Риза Х., Сердаре Сэвэх, подает в отставку. Через два дня он, однако, соглашается, по просьбе Меджлиса, вернуться к власти, а 1 апреля обращается с воззванием к народу, указывая, что по совещанию с духовенством г. Кума (Кум где гробница непорочной Фатимы, дочери Пророка, рядом с Мшхедом, — гробница Имама Ризы, — священный город), он пришел к убеждению о несовместимости республиканского режима с принципами Ислама. Духовенство оказалось в данном случае на более крепкой почве, чем Сердаре Сэвэх. Как говорит один немецкий знаток Ирана, чувствуется, что принятие принципа республики было бы изменой, такой же отдачей иранского народного духа чуждому этическому началу, какой в свое время было обращение в Ислам, выросший на семитской почве. Чтобы подчеркнуть свою преданность Исламу в его шиитской форме (своеобразное осуществление протеста Ирага против арабской религии) Риза Хан осенью 1924 г. совершает паломничество в Кербелу и Неджеф, святые шиитские места в Иране. Его возвращение, через Багдад, в Персию было спешным триумфом. Тем более, что этот акт исповедания веры совпал с победой над Шейхом Газзалем (см. выше). Шейх подчинился безоговорочно Тегерану, уплачивал контрибуцию. Позволившая газправу со своим фаворитом английская дипломатия получала компенсацию в виде расширения концессионных прав Anglo-Persian. Не отказываясь от мысли о верховной власти Риза Хан, наученный опытом, ведет более тонкую политику. В феврале 1925 г. он в ультимативной форме обращается к Меджлису, указывая что все его начинания наталкиваются на интриги, исходящие из окружения Валиагда, брата Шаха, оставшегося в Тегеране в роли регента. Меджлис предоставляет Ризе Х. диктаторские полномочия, ставя его во главе всех вооруженных сил страны. Вторым шагом было обращение к Шаху с просьбой вернуться. Когда от него получен был ответ о предстоящем выезде из Франции в начале октября месяца, то, по странному «совпадению», в конце сентября в столице вспыхнули хлебные беспорядки; 27-9 толпа врывается в Меджлис, безчинствует и наносит побои даже председателю парламента Мотамэн-оль-Мольку. Приверженцы Шаха садятся в «бест» в... советскую миссию.

Дальше события развиваются быстро. Риза Хан водворяет порядок, оцепляет кордонами иностранные миссии для недопущения бестов. Испуганный Шах остается во Франции (не в честь низложенной династии будь сказано, что Шах Ахмед Султан во время голода *на живала на хлебе* из своих удельных имений, выдерживая его в амбарах!), 31 октября Меджлисе, большинством 80 голосов из 85 объявляет низложенной династию Каджаров и передает верховную власть Ризе Х., вплоть до решения учредительного собрания, состоявшегося 12 декабря. Согласно решению Собрания верховный закон (ст. ст. 36-38 и 40) установил наследственную власть династии Пехлеви. Коронация Риза Шаха Пехлеви состоялась с большей торжественностью 26 апреля 1926 г. Опоясанный мечом завоевателя Индии, Надир Шаха, который подобный ему был обязан тронном своему личному дарованию, Риза Хан воссел на престоле Хосроя и великого Аббаса.

За время управления Персией Риза Ханом, ставшим затем Риза Шахом, ряд реформ был осуществлен в стране, из которых самой существенной должно считать финансовое оздоровление, позволившее иметь уравновешенный бюджет. Достигний этих результатов, глава с ноября 1922 г. американской миссии Д-р Мильспо, при возобновлении контракта разошелся во взглядах с Правительством, которое ограничивало его бывшие почти диктаторскими полномочия, усиливало свой контроль равно как и роль персидского элемента в администрации финансов. Поступая так, Правительство уступало давлению оппозиции в Меджлисе, настаивавшей на том, что приглашение иностранных советников и их работа только в такой мере допустимы, поскольку они воспитывают кадры персидского чиновничества; что касается контроля над распоряжением суммами Казначейства, то он необходим ввиду обнаружения перерасхода более 5 миллионов туманов во время голодной кампании. Ведший ее Полк. Мак Кормак (до войны вожак «гризли» в Ю. Африке, затем интендант во Франции и, наконец, «оздоровитель» персидских финансов) во время улета на аэроплане по делам службы. Др. Мильспо не сошедшийся в условиях, после пятилетней работы, положительные результаты которой нельзя опаривать (см. весьма полезные для ознакомления, с этой стороны положения обстоятельные печатные доклады амер. миссии), покинул Персию. Таким образом персидские финансы вновь стоят под знаком вопроса. Это не мешает однако планам постройки железной дороги от Бендер Гяза на Каспии к Хор-Мусе на Персидском Заливе. Подготовительные работы ведутся под руководством америк. инженера Полянда, причем на севере изыскания ведут и русские инженеры. (Недавно принят закон о приглашении большого числа иностранцев-специалистов.). Постройка жел. дор. должна производиться на суммы поступающие от установленной в прошлом году монополии на чай и сахар. Упомянем также, что кое что делается по ремонту и постройке дорожной сети; что создано несколько (первых в стране) фабрик (сухопутная, спичечная, мыловаренный завод); принимаются меры для улучшения земледелия (выставка земледельческих машин, орошение и т. д.); введена метрическая система, вырабатываются уставы судопроизводства по европейскому образцу, в связи с чем объявлено решение об отмене капитуляций с будущего года. Теневыми сторонами положения является слишком тяжелое, особенно для крестьянства, фалоговое бремя; 55 проц. бюджета уходит на содержание армии, которая обзаводится даже... танками, тогда как части остаются без жалования по месяцам. Недовольно также население и преследованием духовенства, тогда как возвращение «изменника» Вусуг-ад-Доуле толкуется в неблагоприятном для правительства смысле. У меня нет места в рамках настоящего краткого обзора рассмотреть внешнюю политику Персии за эти годы. Она во многом определяется остающимся неизменным отношением сил, т. е. соревнованием между Россией и Англией, как это было до соглашения 1907 года. Не следует впадать в ошибку тех, которым большевики везде в Азии рисуются в каком-то идиллическом аспекте друзей принимаемых и распротертыми об'ятиями. Действительность сложнее. Если в 1921 г. обстановка в Персии, вызвавшая подписание договора, была чрезвычайно выгодна для России, то с того момента все делалось как бы для того, чтобы испортить добрые отношения. За последний год особенно положение осложнилось в связи с затруднениями в подписании торгового договора, переговоры о котором длившиеся с 1922 г. на днях око. черы. Персы были заинтересованы в разрешении им транзита, тогда как с русской стороны никак не налаживался вопрос о рыбных промыслах на персидском побережье Каспия. Дело доходило, с одной стороны, до эмбарго на персидские продукты в России, и, с другой, до бойкота русских товаров в Персии. Не следует также думать, что политические симпатии объединяют Тегеран и Москву. Общая политика может строиться при общности идеологии, каковая тут отсутствует, как бы ни старались надевать коммунисты националистическую маску. За исключением десятка других платных агентов и статистов, вряд ли коммунизм имеет действительных последователей в Персии. Как и везде в Азии, если большевизму удастся иногда достигать результатов, то только потому, что в глазах азиатов зачастую «Россия» покрывает «большевизм». Кроме того нельзя отрицать, что у большевизма, хотя совершенно ложная и неприемлемая, но есть некая общая согласованная политика в отношении Азии, чего нет у остальных правительств.

Если обратиться к рассмотрению тех духовных сил, которые в наши дни наблюдаются в Персии, то на первом месте придется, повидимому, все же оставить шиизм благодаря его национальной окраске. Вот что мы читаем, напр., в заключении передовицы посвященной объяснению траурных дней Мохаррема: «Хусейн, сын Фатымы, да будет на нем мир и молитва, является совершенным образчиком полного отказа от материальных соображений. С одной лишь чистой одухотворенностью он восстал против насилия и заслуживает того, чтобы и мы подобно всем другим живым народам ежегодно вспоминали его как гордость исламского исповедания».

Один из выдающихся ораторов Меджлиса Д-р Мосадэг заявил в августе п. г. что осно-

ванием своей программы он берет изречение пророка, которое должно также быть основой программы парламента и нации: «Ислам возвышается, но ничто не может возвыситься превыше его». Затем он преподнес председателю Меджлиса изображение Пророка на белом плато (иконопись есть, между прочим, также одна из отличительных черт персидского ислама) со словами: «я подношу это священное изображение Царя Ислама Меджлису, лучшим украшением коего оно явится, дабы оно предстояло и руководило наши прения. Я молю Аллаха направлять нас по религиозному и политическому пути начертанному Пророком, каковой является единственным божественным и праведным путем. Я прошу депутатов и особенно главных муджтеидов повторять часто подобно молению выше упомянутое речение Пророка». Можно было бы умножить цитаты свидетельствующие о силе шиизма в персидском сознании. Тут уместно подчеркнуть, что в некоторых основных своих верованиях шиизм приближается к христианству. Так ему близка идея предвечного существования: Мохаммед, Али, Фатыма, Хасан и Хусейн, по шиитским верованиям, существовали «прежде всех веков», Основным, сильным мотивом шиизма является далее вера в пришествие Спасителя, Мессии, Махди, которая является наследием зороастрийской эсхатологии (Саспийант). Понятие воплощения божества, обожествления знакомо шиитской секте Али Илляхи. Упомянем, наконец, об искуплении жертвою, не чуждом шиитскому мировоззрению. Нам кажется поэтому, что шиизм, как этап по пути познания совершенной истины, должен быть оцениваем нами выше нежели бабизм и его дальнейшее выражение бехаизм, которые претендуют на роль обезличивающих универсальных религий вбирающих в себя ряд верований, как бы отказывающихся от понятия абсолютной, конечной и единственной истины, тем снижая религиозный пафос на уровень безразличного эклектизма, обретающегося в сфере близкой к атеизму. Некоторые исследователи считают, что в современной Персии около одной десятой городского населения принадлежит к бехаизму. Близка к христианству и намечена уже американскими миссионерами как наиболее удобный объект их деятельности секта людей истины (Ахли Хаки), распространенная между прочим среди курдов и насчитывающая предположительно около миллиона последователей. Я не могу углубляться в разработку характерно-иранской черты, выражающейся в живой и действительной религиозной мысли, но не мог ее и не отметить, т. е. именно она наполняет духовное содержание иранизма лежащего вне плоскости материалистической спекуляции. Наиболее талантливый и яркий выразитель персидской религиозной мысли (хотя он то стоял за сближение шиизма и суннизма), Сеид Джемаль-д-Дин, которого Пр. Браун считает как бы духовным отцом персидской революции, вел очень любопытную полемику с Э. Ренапом и написал книгу «Опровержение Материализма». Следует упомянуть, анализируя духовное содержание иранизма, и о зороастрийской реакции, которая идет главным образом по линии того же оживления национальной традиции, обращающейся к исламскому, чисто иранскому периоду истории Персии. Мотив о желательности воссоединения с родиной отделившейся от нее после исламизации ветви, т. е. Парси, живущих в Индии, где они, особенно в Бомбее, образуют богатую коммерческую общину, часто встречается в калькутском еженедельнике Хабль уль Матин, который сыграл не малую роль в развитии персидской революции. В области языка зороастрийская, вернее пехлевийская реакция, может быть рассмотрена в стремлении к иранскому пуризму, очищению от арабского словарного наноса. Характерна и календарная реформа, установившая зороастрийское летоисчисление наряду с мусульманским. Влиянию языка в исторической жизни народа приписывается большое значение. Все настойчивее раздаются голоса о необходимости образования коллегии переводчиков, чтобы эммансипироваться от засилия иностранных книг, иностранных научных терминов. «Если при Аббасидах, 800 лет тому назад, были переведены с греческого языка на арабский все выдающиеся труды, почему не сделать этого теперь? Иначе получается преклонение перед иностранными языками, без знания которых невозможно следовать за наукой. Саади и Надир Шах упоминаются с презрением, тогда как преклоняются перед Гюго и Вашингтоном... Иран претворял Туран и защищался в течение своей многовековой истории благодаря именно своему языку, своим обычаям. От преклонения перед всем иностранным до измены своим традициям — один шаг. Посмотрите как держат себя у нас в Персии все эти англичане, американцы: словно цари какие то; мы для них как будто бунташи. Пора с этим покончить. Наша молодежь, получающая образование на Западе, забывает все родное и не пригодна для работы дома. Нам следует брать у Запада только его технические достижения, его прикладные знания. В области нравственной (наши «фоколи» — от слова faux-col) — привозят с собой пудру и сифилис. Мы должны обращаться к примеру древних Персов, славившихся тем, что они говорили правду и были храбры». Эти настроения резюмированные мною дословно из персидской прессы, заслуживают нашего внимания, облегчая подход к пониманию современных настроений подростящего персидского поколения. Кругом персов, студентов Бейрутского Американского Колледжа, в своем письме в редакцию тегеранского официоза «Иран» больше всего подчеркивает, что учась в Бейруте они остаются на родной почве Востока, не забывают восточного духа, подобно тем, кто уезжает учиться на Запад. Суммируя сказанное, я в праве заключить, что настроения, которыми, повидимому, живет персидская сознательная молодежь ни в коей мере не питаются коммунистическими идеалами, а переносят нас скорее в эпоху, скажем, итальянского Risorgimento, термин совпадающий с персидским (увы, арабским!) «таджэод», встречающимся очень часто на столбах газет.

Я умышленно не останавливался на характеристике парламентской жизни Ирана, на мой взгляд мало отражающей духовную сущность народа. Что персидский меджлис есть парламент sui generis, в котором собственно нет ни партий, ни программ, в котором жизнь протекает около

нескольких лиц, — об этом как раз был ряд интересных статей в том же «Иране», причем симпатии автора, хотя он как будто и сетует на это ненормальное положение, склоняются не к образованию ряда партий, а к единой партии, хорошо дисциплинированной, в роде народной партии в Турции, где, как мы только что видели, Мустафа Кемаль Паша в своем манифесте «предлагает» голосовать за указываемый им список. Быть может известие, которое получено из Тегерана, как раз когда я заканчиваю настоящий обзор, об образовании «фашистской» партии Иран-и-Ноу, т. е. Новый Иран, и является осуществлением отмеченного выше стремления?

Париж, 4. 9. 1927.

В. П. Никитин,

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСКУССТВА.

Византийская археология наука сравнительно молодая. Ее основателем можно по справедливости считать Н. П. Кондакова, детально разработавшего ряд отдельных ее областей и в свое время давшего первое научно обоснованное построение, общего характера, истории византийского искусства. Многочисленные путешествия Кондакова на Православный Восток, в Константинополь, на Балканский полуостров и т. д. указали на необходимость и положили начало практическому изучению и обследованию памятников византийского искусства. Как и в других областях византиноведения (напр. истории Византии), и здесь русская наука стояла на первом месте и во главе дела изучения. Действительно не было кажется ни одного уголка православного мира, где бы не ступила нога русского ученого с целью разыскания древностей, открытия памятников. Важнейшие памятники Константинополя обязаны своим открытием Кондакову, позднее древности К-ля были предметом систематического изучения Русского Археологического Института во главе с Ф. И. Успенским. Путешествиями русских ученых были изучены древности Палестины и Сирии (Н. П. Кондаков), Малой Азии и Кипра (Я. И. Смирнов), Синая (преосв. Порфирий Успенский, Кондаков, В. Н. Бенешевич), Христианского Египта (В. Г. Бок), Балканского полуострова — Болгарии, Македонии (Кондаков и др.), Сербии (Покрьщкин и др.), Афона (пр. П. Успенский, Кондаков, Никольский, Георгиевский и др.), Кавказа (Кондаков, гр. П. С. Уварова и др.), Армении и, само собой разумеется, России, где центрами византийского искусства являются Херсонес, Киев, Новгород и отчасти Суздальская Русь (работы Редина, Айналова, его учеников и др.); список этот можно было бы значительно продолжить.

Интерес к Византии, в частности к Византийскому искусству, на Западе появился и развился под влиянием русской науки; в этой области ученые и исследователи Запада часто шли, руководясь указаниями русских. Зародились и на местах (гл. обр. в Балканских государствах) свои ячейки работающие в области изучения византийской древности, тоже часто многим обязанные русской научной традиции (особенно в Болгарии).

Движение науки византийской археологии за последнее десятилетие шло очень быстрым темпом, возрастал интенсивно интерес, росло количество открытых и исследованных памятников. Факты говорят в данном случае сами за себя; в 1910-11 г., появились в свет два руководства или общих обзора по истории византийского искусства (французское и английское); через 15 лет, т. е. в 1925-26 гг., оба автора (Ch. Diehl и O. M. Dalton) были вынуждены или переиздать в расширенном виде или дополнить специальной работой свои сочинения, настолько возрос материал. За тот же промежуток времени появились и новые работы общего характера, и популяризации, и исследования различных отделов искусства, напр. две больших работы по византийской миниатюре, по мозаикам, изделиям слоновой кости (начато издание т. н. *Corpus dyptichorum*), вышли капитальные работы по иконографии (Кондакова и Millet), наконец выпущены издания либо отдельных памятников, либо групп памятников, обычно по их географической принадлежности. Давать полный обзор всех этих изданий мы здесь не намерены, остановимся лишь на некоторых, а равно и сообщим о ведущихся работах или открытых памятниках, еще не дождавшихся своего здания, но представляющих интерес. Ограничусь однако гл. обр. областью памятников живописи и мозаики.

Война отразилась сильно на научной работе, и многие новинки, вышедшие в свет в 1925-6 г., по существу не новости, а плод работы еще довоенной. Русская наука в этом отношении пострадала больше всех. Деятельность Русского Археологического Института в К-ле после войны не возобновлялась и неизвестно, когда возобновится (все ходившие до сих пор слухи об этом так и остались слухами). Последнее влечет за собой то, что всякое сколько либо серьезно поставленное исследование К-ля рекратилось совершенно и даже имевшийся в готовом (т. е. обработанном и сфотографированном) виде материал (напр., фрески бокового придела Кахрие-Джами) для науки, пока что, погребен. Русский орган византиноведения (Византийский Временник) влечит жалкое существование, сведенный до минимума в своих размерах, лишенный необходимых иллюстраций и выходящий с промежутками по несколько лет. Из исследовательских поездок можно было бы упомянуть лишь одну — в Константинополь и Малую Азию г. г. Алпатова и Брунова — но и то, как можно судить по краткому отчету, напечатанному в Виз. Временнике 7.26. 1926, она имела